

После краткого расследования ход событий был полностью восстановлен.

Обе группировки избивших потерпевшего хулиганов дали чистосердечные признания: выяснилось, что потерпевший сам нанял их для слежки и преследования, желая разыграть перед своими друзьями сценку под названием «герой спасает красавицу». Поскольку сам потерпевший в настоящее время проходит лечение в больнице, получить его показания пока не удалось.

С точки зрения скрупулезного подхода к делу: свидетельских показаний и вещественных доказательств (имеются записи с камер видеонаблюдения, запечатлевшие личное общение потерпевшего с одним из подозреваемых) было более чем достаточно, и вся правда уже всплыла на поверхность.

С точки зрения личных чувств: для такого пестрого и шумного места, как бар, было обычным делом, когда молодежь выдумывала всякие глупости, желая покрасоваться перед спутниками — полиция почти каждый день получала по несколько звонков из подобных заведений.

Можно сказать, дело было полностью раскрыто, а истина — установлена. Единственной проблемой оставалось лишь то, что:

Этот самый потерпевший приходился объекту, ради которого он затеял свое героическое спасение, племянником!

Точнее, «мужней женой»!

Причем этот «мужняя жена» — еще и законная супруга главы семьи Мо, первого богача Пинчэна!

Полицейские, разобравшиеся в ситуации: «Ваш мир, твою мать, тот еще серпентарий!»

У начальника отделения аж голова шла кругом. Ей-богу, неужели у вас, богатеев, не принято все вопросы решать внутри семьи? Обязательно было тащиться в полицейский участок? Да и из-за чего сыр-бор? Из-за драки — пустякового, в общем-то, дела, о котором и говорить-то не стоило. И что мне теперь делать: действовать строго по закону или позволить вам разобраться самим?

Оставим пока душевные терзания сотрудников полиции, но Мо Ханьчжоу, получив звонок, сразу же сорвался с места и помчался в участок.

Когда он прибыл, те самые две банды хулиганов, устроившие Чэнь Цунъи коллективную порку, как раз давали показания, а Лу Цяо сидел неподалеку, тихий и смирно сложа руки, словно цыпленок.

— Кем вы приходитесь потерпетому? — спросил полицейский.

Одна группа наперебой затараторила:

— Да это парень нам приплатил, чтобы мы разыграли спектакль, а он типа всех спасет!

— А вы? — перевел взгляд на остальных страж порядка.

Не успели остальные рта открыть, как их главный заговорила во весь голос заорал:

— Мы тоже!

— Это тот белокрысы нам заплатил, чтобы мы дали ему шанс сыграть героя!

Сидевший на стуле Лу Цяо приподнял веки. Сидевший напротив мужчина с нагловатой ухмылкой поддакивал словам конкурентов, а заметив взгляд Лу Цяо, еще и ободряюще подмигнул ему, мол, не переживай, всё схвачено.

— ... —

Лу Цяо молча опустил глаза.

Черт, да тут просто профи высшей лиги!

Для них не имело никакого значения, кто именно заплатил им за этот спектакль — они споют любую песню, какую затянут. В конце концов, в отношении одной стороны факты были налицо, а другая решила стоять на своем до конца, так что теперь Чэнь Цунъи оправдаться уже не сможет, сколько ни доказывай.

Надо же было только выйти из дома — и сразу наткнуться на таких «верных долгу» товарищей. Какая удача, интересно, стояла в моем гороскопе на сегодня?

А тем временем, пока Мо Ханьчжоу входил в здание, обе банды наперебой горланили, словно на базаре:

— Разве то, что этот белокрысы сам нанял людей отлупить себя, — тоже наша вина?!

— Именно! Да мы с него еще остаток денег не стрясли, и то спасибо!

— Ум за разум зашел, жадность фраера сгубила! — этот громила имел в виду, что Чэнь Цунъи

мало того что нанял их, так еще и на стороне людей привлек.

— Ненасытный погибает от собственной жадности! — поддержал его другой защитник справедливости.

— Мы ничего не нарушали, в худшем случае вернем ему деньги.

— А вот фиг я свои деньги верну!

— Выпустите нас...

— Дайте уйти!

— Хватит орать, хватит орать! Вы что, думаете, это вам базарная площадь?! — пожилой полицейский уже не выдерживал. — Вы еще и права качаете, да?

Лу Цяо, сидевший со скучающим видом, заметив вошедшего в дверь человека, тут же оживился, и его глаза засияли.

— Муж! — он резким движением поднялся на ноги.

Мо Ханьчжоу подошел к нему, мягко взял за руку и успокаивающе заглянул в глаза, после чего перевел холодный, проницательный взгляд на стоявшую в углу компанию.

Те продолжали вопить о своей невинности, разыгрывая то ли магический поединок, то ли балаганное представление, и наперебой спешили сознаться во всем: что бы ни спрашивал полицейский, все они твердили одно — это Чэнь Цунъи заплатил им, чтобы они «перехватили» его по дороге.

Услышав их слова, Мо Ханьчжоу почувствовал, как в глубине его глаз мелькнул ледяной блеск.

В отличие от остальных, он прекрасно понимал, что так называемое героическое спасение вызвано вовсе не романтическими порывами, а куда более циничными и шкурными интересами.

Вот только он никак не ожидал, что те дойдут до такого отчаяния и пустят в ход подобные методы.

— А Цяо.

— М? — Лу Цяо машинально обернулся.

Мо Ханьчжоу протянул руку и легко погладил Лу Цяо по голове, а в его голосе зазвучало глубокое сочувствие:

— А Цяо устал.

Лу Цяо широко распахнул глаза.

Стоп, кажется, он кое-что не так понял!

Хотя, если подумать, не так уж и сильно.

Широко распахнув глаза, Лу Цяо послушно и заботливо отозвался:

— А Цяо не устал.

В глазах Мо Ханьчжоу промелькнуло еще больше нежности:

— Умница.

Закончив успокаивать Лу Цяо, Мо Ханьчжоу повернулся к начальнику отделения, который сопровождал его все это время. Тон мужа резко отличался от того, с каким он только что разговаривал с Лу Цяо — в нем проступала сдержанность вперемешку с жесткостью:

— Раз мой возлюбленный — пострадавшая сторона, я заберу его домой.

Начальник тут же закивал:

— Без проблем, никаких проблем.

— Ах да, что насчет этих людей...

Лу Цяо подумал, что раз уж те парни поступили с ним по-товарищески, он тоже не может проявить черствость. Сделав шаг вперед, он встал между начальником отделения и Мо Ханьчжоу и вежливо произнес:

— Начальник, раз уж мне не был причинен реальный ущерб, то пусть этих людей накажут по всей строгости. Проведите все процедуры в обычном порядке, как принято в вашем отделении.

Смысл был прост: раз пострадал не я, а раз они еще и отлупили неприятного мне человека, то пусть их накажут просто так, для галочки?

Начальник тут же всё понял:

— Никаких проблем.

Лу Цяо подумал, что сделал всё, что мог. Выйдя вслед за Мо Ханьчжоу из участка на улицу, он поежился от ночного холода — на улице стоял жгучий мороз. Охранник тут же ловко набросил на плечи Лу Цяо теплое пальто.

Озноб мгновенно отступил.

Потирая ладони, Лу Цяо скосил глаза на Мо Ханьчжоу, который с момента выхода из здания сохранял непроницаемое выражение лица:

— Муж.

Он нерешительно приоткрыл рот:

— Чэнь Цунъи он...

— Я разберусь с этим делом. А Цяо, поехали домой.

Целью Лу Цяо было лишь открыть Мо Ханьчжоу глаза на истинное лицо Чэнь Чжошэна и его семейки. Кем бы они ни приходились ему по крови, что делать дальше — целиком и полностью забота Мо Ханьчжоу.

Больше Лу Цяо расспрашивать не стал, и они вместе сели в машину, направляясь домой.

В ту ночь, решив, что Лу Цяо перенес сильнейшую душевную травму, Мо Ханьчжоу счел, что обидел его, и засыпал супруга нежными словами и проявлением трепетной заботы. После ужина они практически не расставались, погрузившись в сладкую, липкую идиллию, и обоим ни капли не надоедало это бесконечное воркование.

Ранним утром на следующий день Мо Ханьчжоу поехал не в офис, а сначала направился в больницу.

Чэнь Чжошэн получил известия еще прошлой ночью и сразу же примчался в клинику. У Чэнь Цунъи были сплошные ушибы и синяки, но разговаривать они ему не мешали. Заикаясь и путаясь, тот пересказал случившееся, и Чэнь Чжошэна чуть хватил кондратий от злости.

Как можно было родить на свет такого тупого сына, которого умудрились поймать прямо на месте преступления!

Но делать было нечего — приходилось терпеть, ведь парень был его плотью и кровью. Промучившись в страхе всю ночь, увидев утром Мо Ханьчжоу, Чэнь Чжошэн тут же бросился к нему с жалобными рыданиями:

— Посмотри на своего двоюродного брата, как он докатился до такого...

Однако не успел он приблизиться к Мо Ханьчжоу, как пара крепких рук преградила ему путь.

Подняв глаза, Чэнь Чжошэн наткнулся на бесстрастные лица охранников, и у него внутри все похолодело.

Несколько лет назад Мо Ханьчжоу вовсе не был таким мягким, каким казался теперь. В те времена, когда они с Мо Чаосун боролись за власть, родные отец и сын вели войну не на жизнь, а на смерть, и весь деловой мир Пинчэна замер в оцепенении. Тогда семья Чэнь попыталась урвать свой кусок пирога: воспользовавшись родственными связями матери Мо Ханьчжоу, они хотели под предлогом помощи ему закрепиться в корпорации Мо и силой поделить рынок Пинчэна.

Впрочем, выгоды семья Чэнь не получила, зато добилась того, что Мо Ханьчжоу, у которого и без того не было теплых чувств к родне по материнской линии, возненавидел их еще сильнее. Именно по этой причине, попав в беду на этот раз, семья Чэнь так долго не решалась просить Мо Ханьчжоу о помощи.

Вспомнив прошлое, Чэнь Чжошэн внутренне сжался, и в его голосе при всем желании не осталось прежней уверенности:

— Ханьчжоу, он ведь тебе брат...

Мо Ханьчжоу находился за спинами двоих охранников, его пальцы рассеянно оглаживали подлокотник инвалидного кресла, а прямая спина придавала ему на редкость невозмутимый вид.

Ранний утренний свет пробивался сквозь боковое окно, падая на половину его лица неправильным пятиугольным бликом. Резкие черты и холодные глазницы казались еще глубже в игре света и тени, а высокий воротник рубашки, призванный защитить от холода, добавлял его образу опасной остроты.

Он бросил на Чэнь Чжошэна небрежный, тяжелый взгляд, и скрытая в этих глазах ледяная отчужденность и безразличие заставили последнего почувствовать себя неуютно.

Уголки губ Мо Ханьчжоу изогнулись в насмешливой улыбке, которая тут же исчезла.

— Дядя, я думал, после всего, что было в прошлом, ты должен был усвоить: больше всего я

ненавижу, когда мне угрожают силой.

Чэнь Чжошэн снова засуетился:

— Да какая это угроза! Цуньи просто потерял голову от глупости, неужели он в самом деле стал бы вредить жене племянника?

— Неважно, было ли это минутной слабостью или продуманным шагом, за содеянное нужно отвечать.

— На этот раз пострадал сам Чэнь Цуньи, и я могу закрыть глаза на то, что он нанял людей против А Цяо. Но я не потерплю, чтобы в Пинчэнах оставался кто-то, кто покушается на жизнь моей супруги. Даю дяде три дня. Спустя три дня я не хочу видеть его в городе.

Изгнать Чэнь Цуньи означало, по сути, выставить из Пинчэна всю семью Чэнь, если только Чэнь Чжошэн не решится отречься от сына. Но если Чэнь Чжошэн вернется ни с чем раньше чем через месяц, его позиции в компании семьи Чэнь серьезно пошатнутся.

Чэнь Чжошэн никак не ожидал, что Мо Ханьчжоу окажется настолько безжалостным. Увидев, что тот уже развернулся уходить, он с криком бросился вперед, пытаясь оттолкнуть охранников, и отчаянно завопил:

— Мо Ханьчжоу, Ханьчжоу! Зачем же так жестоко, мы ведь одна семья! Когда он был маленьким, ты же сам брал его на руки!

— Он твой брат! Ты ведь катал его на коленях, неужели забыл?!

— Господин Мо, — видя, что Чэнь Чжошэн потерял рассудок, один из телохранителей попытался поскорее увести Мо Ханьчжоу.

Мо Ханьчжоу вскинул руку, останавливая его, и оглянулся на Чэнь Чжошэна. Тот не ожидал, что племянник обернется, и внутри у него все встрепенулось от надежды, но в следующую секунду его окатило ушатом ледяной воды.

— Ты сам сказал: это было в прошлом. Все те выходки вашей семьи я спускал с рук. Судя по всему, именно поэтому вы решили, что у меня совсем нет характера.

— Нужно уметь быть благодарным, дядя. В следующий раз тебе может не выпасть такой удачи.

— ... —

Оставив позади вопли истеричного Чэнь Чжошэна, Мо Ханьчжоу выехал из палаты и раздраженно дернул воротник рубашки.

Телохранитель, сопровождавший Мо Ханьчжоу уже пять лет, бросил на него взгляд и спросил:

— Господин Мо, в офис или домой? Супруга сегодня никуда не выходила, говорит, собирается приготовить большой обед, чтобы загладить вину.

— Он просто воспользовался поводом объесться вкусенького, да?

Мо Ханьчжоу покачал головой. При мысли о том, как этот его домашний баламут сейчас носится перед дверью кухни и раздает глупые указания, холод в его глазах заметно поубавился.

— Ладно, — произнес он. — В компанию не поедем, сначала домой пообедаем.

— Слушаюсь.

Охранник проводил Мо Ханьчжоу до лифта, однако он никак не ожидал, что внизу их ждет сюрприз.

Лифт прибыл на подземную парковку, и с мелодичным звоном раздвинулись двери —

— Та-да! Разве не сюрприз?!

Лу Цяо выпрыгнул из-за угла, сжимая в руках огромный букет алых, желтых, фиолетовых... ослепительно ярких цветов. Протянув букет прямо перед лицом Мо Ханьчжоу, он встретил его сияющей улыбкой, способной затмить любые бутоны:

— Я пришел встретить мужа дома!

— ... —

Мо Ханьчжоу молча принял букет, чувствуя, как в уголках его глаз зарождается улыбка. Он подумал: надо же, приехал навестить какого-то недоумка, отчитал его родственников, а в итоге сам получил букет цветов — это вообще прилично?

Впрочем...

— Цветы прекрасные, спасибо, А Цяо.

— Я так и знал, что мужу понравится.

Улыбка Лу Цяо была такой сладкой и красивой, словно чистый родник, омывающий израненное светской суетой и деловыми интригами сердце Мо Ханьчжоу. Жаль только, обстановка для этого подходила мало.

Уважая больничные порядки, Мо Ханьчжоу решил сначала переместиться в машину, чтобы не шокировать проходящих мимо людей и не спровоцировать кого-нибудь на драку.

В салоне машины букет все еще покоился на коленях у Мо Ханьчжоу, наполняя пространство богатым цветочным ароматом, смешанным с запахом легкого освежителя воздуха, так что казалось, будто они сидят в оранжерее. Теперь этот букет превратился для Лу Цяо в игрушку: полулежа на коленях у Мо Ханьчжоу, он то тербил лепестки, то принюхивался к бутонам, выглядя абсолютно довольным жизнью.

Напряжение в груди Мо Ханьчжоу постепенно сменилось умиротворением. Он аккуратно убрал со лба Лу Цяо упавшую прядь волос:

— А Цяо, почему ты приехал?

— Потому что муж приехал, вот я и пришел его встретить.

Мо Ханьчжоу усмехнулся:

— Я же не ребенок, чтобы меня встречать.

Лу Цяо капризно выпятил губы, озарив лицо прелестной улыбкой, и, запрокинув голову, лукаво посмотрел на Мо Ханьчжоу:

— В моем сердце муж — как раз ребенок, поэтому А Цяо должен его защищать.

С этими игривыми словами он неожиданно широко раскинул руки и подался вперед, обняв Мо Ханьчжоу за плечи. Мо Ханьчжоу на секунду замер, а затем машинально обнял его в ответ.

— Ты что де...

— Муж — ребенок, так что А Цяо будет охранять мужа.

— Муж, не бойся, я с тобой.

Закончив говорить, он чмокнул Мо Ханьчжоу в макушку и нежно погладил по щеке.

Неописуемая волна щекочущего тепла разлилась по груди Мо Ханьчжоу, заставив его тело слегка порозоветь.

Выходка Чэнь Чжошэна вовсе не заставила его расстроиться — он с самого начала просчитал их намерения, оплошав лишь в том, что позволил втянуть во всё это Лу Цяо.

Но Лу Цяо не выказал ни капли обиды или гнева, не стал устраивать истерик и кричать, даже проявил беспокойство — не ранил ли кто его чувства.

Такой новый опыт показался Мо Ханьчжоу невероятно свежим.

Вот какова она, эмоциональная связь между супругами, чьи интересы слились воедино?

Поскольку он — его законный супруг, поскольку в его сердце живет забота о нем, то вполне естественно, что он переживает за его чувства и в первую же секунду встает на его сторону.

Это ощущение оказалось поистине прекрасным.

— А Цяо... — сдерживая дрожь в трепещущем сердце, Мо Ханьчжоу провел рукой по затылку Лу Цяо.

Лу Цяо:

— М?

Мо Ханьчжоу произнес с непреклонной твердостью:

— Муж обязательно будет много зарабатывать, чтобы откормить А Цяо, и тебе никогда ни о чем не придется беспокоиться.

Лу Цяо:

— Ого, звучит просто потрясающе!

<http://bllate.org/book/19167/1882021>